

Цзинь Ичэн взял столовые приборы и начал есть.

Тревожная тишина вызвала желание поговорить у обоих, но, к сожалению, им нечего было сказать.

Ань Сяонин не знала, что у Цзинь Цинъяна на уме. Они оба молчали, а она медленно потягивала кофе.

С других столиков доносились звуки разговоров, раздавались шаги, а также всевозможные посторонние звуки, что резко контрастировало с мертвой тишиной за их столиком.

В глубине души Ань Сяонину очень хотелось объяснить ему все досконально. Однако никакие объяснения не могли прояснить недоразумение, так как ситуация была запутанной.

Поскольку они уже получили развод, он, вероятно, не захочет больше слушать об этом. Поэтому она решила больше не поднимать эту тему.

Как только подали стейки, Ань Сяонин начала медленно есть. Она протянула ногу под столом и случайно коснулась его ноги, в результате чего на секунду подняла голову и посмотрела ему в глаза.

Она убрала ногу и продолжила трапезу с прямым лицом.

На протяжении всей трапезы никто из них не нарушал молчания.

Когда пришло время уходить, Ань Сяонин с тоской посмотрела на сына, не желая с ним расставаться. "Будь хорошим и слушайся папу. Я уверена, что ты вырастешь выше, когда мы встретимся в следующий раз".

Цзинь Ичэн обхватил ее бедро и заскулил: "Мамочка, я не хочу уходить от тебя".

Ань Сяонин чувствовала, как ее сердце разрывается в агонии, а она все стояла и ласкала лицо сына. Наконец, она посмотрела на Цзинь Цинъяня и сказала: "Дай мне десять минут. Давай поговорим наедине".

"О чем? О правах на опеку над Ичэном? Я не вижу необходимости в обсуждении", - холодно сказал он.

"Нет, речь не об этом. Просто дай мне десять минут", - сказал Ань Сяонин, пристально глядя на него.

В этот момент сердце Цзинь Цинъяня смягчилось.

Он велел Цзинь Ичэну сесть в машину, а сам встал снаружи, лицом к Ань Сяонину, оставив между ними соответствующее расстояние.

"Хотя в соглашении о разводе указано, что мне запрещено видеться с нашим сыном, в конце концов, я все еще его биологическая мать. Никакая твоя отцовская любовь не сможет подорвать мое положение в его сердце. Можете ли вы разрешить мне видеться с ним два раза в месяц?" попросила Ань Сяонин.

"У тебя вообще есть время видеться с ним два раза в месяц?" с сарказмом спросила Цзинь Цинъянь, насмехаясь над тем, что ей не разрешат покидать Осенний дворец дважды в месяц.

"Мою мать уже спасли. В ближайшие несколько дней я подам прошение об отставке из Осеннего дворца. Кроме того, я уже купила дом в поместье Саньцяо. У меня будет достаточно времени", - ответила она немного усталым голосом.

"Неужели?" - спросил он с удивленным взглядом, который исчез через долю секунды.

Ань Сяонин подошла к нему и остановилась в шаге от него.

Она подняла голову и мягко сказала: "Хотя я думаю, что нет необходимости снова упоминать некоторые вещи, так как у меня нет доказательств моей невиновности, я все же надеюсь, что ты перестанешь меня неправильно понимать. Я все равно скажу то, что должен, даже если это не изменит твоего мнения или образа мыслей".

Он спокойно посмотрел на нее и позволил ей продолжить говорить.

"Туоба Гучэн - мой сводный брат, и мы связаны кровным родством. Я никогда не влюблюсь в него. Тебе должно быть хорошо известно, насколько я искусен в боевой защите. На самом деле, ты не обязательно победишь меня в физической схватке. Туоба Гучэн мне не соперник. Мне нет необходимости идти на такую большую жертву ради того, чтобы узнать правду о моей матери".

Ань Сяонин глубоко вздохнул и продолжил: "Я знаю, что ты, должно быть, разозлился, когда впервые узнал, но с тех пор прошло несколько месяцев, и я не знаю, действительно ли ты полностью остыл.

Я не считаю позором развод с тобой, скорее, мне жаль, что наши отношения были разрушены из-за простого и абсурдного недоразумения. Если ты говоришь, что веришь только тому, что видишь, Цинъянь, то ты, наверное, забыл, как я доверяла тебе, даже когда застала тебя голым в постели с Чи Жуйэр, которая накачала тебя наркотиками и сняла с тебя одежду. Любить легко, но трудно жить друг с другом. В будущем я больше не буду поднимать этот вопрос. Кроме того, что мы оба являемся родителями Ичэна, мы больше не будем иметь ничего общего друг с другом. Я буду считать, что вы согласились разрешить мне встречаться с Ичэном два раза в месяц".

Высказавшись, Ань Сяонин развернулась, чтобы сразу же уйти.

Цзинь Цинъянь смотрел, как она уходит, и чувствовал себя так, словно его ударили по лицу.

В недоумении он стоял на земле, переполненный страданием.

Вернувшись домой с сыном, Цзинь Цинъянь позвал Фань Шисинь к себе в спальню.

"Как ты думаешь, я действительно неправильно ее понял?"

"Молодой господин, с чего это ты вдруг так говоришь?" спросила Фань Шисинь, заметив, как ужасно и подавленно он выглядит.

Цзинь Цинъянь повторил то, что Ань Сяонин сказала ему ранее. Фань Шисинь сказала: "Молодой господин, я думаю, что в этот раз вы перегнули палку и позволили своему гневу взять верх. Как госпожа Ань могла влюбиться в Туоба Гучэна, если она знает, что он ее сводный брат? Кроме того, в то время он уже был помолвлен. Госпожа Ань не такая уж глупая".

"Переходи сразу к делу".

"Поскольку госпожа Ань не любит Туоба Гучэна, она ни за что не стала бы с ним спать. Подумай об этом. Как сказала госпожа Ань, он не сравнится с ней в боевых искусствах, и поэтому он не смог бы насиловать ее против ее воли. Если она не любит его, почему она позволила ему вступить с ней в интимную связь? Если вы думаете, что она закрыла на это глаза ради дела своей матери, то я с вами не соглашусь. Я сомневаюсь, что она поступила бы своей моралью, ведь она такой честный человек.

Я думаю, вам стоит прочитать те сообщения, которые госпожа Ань отправила вам ранее, чтобы объяснить. Юный господин, есть кое-что, что я хотел бы сказать, но не уверен, стоит ли".

"Что именно?"

"Тогда госпожа Ань отказывалась верить, что вы погибли во время цунами, хотя все вокруг так считали. Молодой господин, я тоже думал об этом в течение последних трех месяцев. Почему вы были так уверены, что ребенок, которого носила госпожа Ань, не принадлежал вам, просто потому, что слышали, что сказал Туоба Гучэн? Вы каждый раз принимали меры контрацепции?"

Цзинь Цинъянь резко посмотрела на него и ответила: "Нет, не принимала".

Поджав губы, Фань Шисинь сказал: "Молодой господин, подумайте хорошенько, кому вы хотите верить: себе, госпоже Ань или Туоба Гучэну".

Фань Шисинь удалился, оставив Цзинь Цинъяня одного в комнате.

В его голове роились образы и мысли о ней.

Цзинь Цинъянь лег в постель, и в его голове всплыла сцена его первой встречи с Ань Сяонин.

Это была ночь с грозовым ливнем, и она стояла прямо у его порога, полностью промокшая с ног до головы.

В руках она несла свой тяжелый багаж.

Тогда ему было двадцать пять лет, а ей - двадцать два.

В мгновение ока ему было уже тридцать три года, а ей - тридцать.

"Я не считаю позором то, что развелась с тобой, скорее, мне жаль, что наши отношения разрушились из-за простого и абсурдного недоразумения..."

Веки Цзинь Цинъяня начали подергиваться, а сердце стало бешено колотиться, когда он вспомнил ее слова.

Он почувствовал странное чувство паники, и голос внутри него постоянно спрашивал его, не жалеет ли он о своем выборе. В тот момент, когда он подписывал договор, он бы уверенно ответил, что не жалеет о своем решении. Однако теперь он начал колебаться.

Он не был уверен, что действительно ни о чем не жалеет.

Его переполняло недоумение.

Всю оставшуюся ночь Цзинь Цинъянь снова и снова размышлял над этим вопросом. Он не сомкнул глаз до полуночи, так как ему было трудно заснуть. В конце концов, ему ничего не оставалось, как снова прибегнуть к снотворному.

<http://tl.rulate.ru/book/24840/2086925>